И.Л. Анастасьева

ПЕРЕПИСКА МАРКА АЛДАНОВА С СОВРЕМЕННОКАМИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлена ранее не публиковавшаяся и лишь недавно обнаруженная в Бахметьевском архиве библиотеки Батлера при Колумбийском Университете (Нью-Йорк) переписка маститого русского писателя-эмигранта Марка Алданова с человеком, имя которого пока мало известно отечественному читателю, Леоном Штильманом. Важно было положить начало процессу возвращения на родину имени профессора Колумбийского Университета, долгое время возглавлявшего там Отдел Славянских Языков, сделавшего ряд исследований в области русской литературы XIX в. и тем самым пропагандировавшего ее изучение в Европе и США. Из писем вырисовывается облик личности незаурядной, очень талантливой, независимой. Эти письма важны и ценны еще и потому, что передают атмосферу эмигрантского быта М.А. Алданова, замечательного литератора, которого Иван Бунин в течение многих лет выдвигал на присуждение Нобелевской премии; рассказывают о радостях и проблемах писателя; о его литературных открытиях. Алданов и Штильман принимали активное участие в отборе литературного материала для Антологии, о работе над которой и рассказывает их корреспонденция.

Ключевые слова: М. Алданов, Л. Штильман, Н. Вреден, Г. Лунц, литература русского зарубежья, Бахметьевский архив, Новый Журнал.

Если имя Марка Александровича Алданова хорошо известно российскому читателю, особенно после того, как его романы наконец были изданы в метрополии, то имена его некоторых корреспондентов по-прежнему нуждаются в комментариях. Одним из тех, чья личность остается не в полной мере, проясненной для большей части аудитории, является американский профессор, русский эмигрант Леон Штильман (1902–1986). К сожалению, о жизни этого ученого известно немного: сын русского адвоката, выехавший из Петербурга в Париж через год после революции и практиковавший там в качестве юриста в течение 20 лет, в 1941 г. он перебирается в США, принципиально меняя род деятельности. Поначалу преподает русский язык и

Анастасьева Ирина Леонидовна — кандидат культурологических наук, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

литературу в Корнельском Университете, затем в Колумбийском. Защитив диссертацию, Штильман возглавляет Отдел Славянских Языков при Колумбийском Университете [Maguire, 1974: 375].

В Бахметьевском Архиве Библиотеки Батлера мной была обнаружена переписка Марка Алданова и его друга Леона Штильмана, и личность этого незаурядного человека мгновенно привлекла к себе внимание. Удалось выяснить, что в 1958 г. он — один из немногих эмигрантов — посетил Советский Союз, приняв участие в работе IV Международного конгресса славистов, на котором выступил с докладом о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», вступив в полемику с некоторыми, наиболее идеологизированными, участниками съезда. Те, в свою очередь, обрушились на американского слависта с жесткой критикой, обвинив его в формализме и в желании дискредитировать роль Пушкина в мировой литературе. Вот как об этом выступлении рассказывает Николай Паньков: «Пафос Л. Штильмана заключался преимущественно в том, что пушкинский роман является весьма ярким, но всё же фактически просто перепевом ходовых мотивов западной литературы, и что назвать его лучше не так, как назвал Белинский, а — “литературная энциклопедия русской жизни” [Паньков, 1999]¹. Б.П. Городецкий, Н.В. Измайлов, Ю.Г. Оксман, Д.Д. Благой, И.Л. Фейнберг “единым фронтом” раскритиковали Штильмана за формализм и за игнорирование русской действительности. Л. Штильман не полез в карман за словом и ответил: “Т.С. Элиот как-то сказал, что второстепенные поэты подражают, а великие поэты крадут². В такой парадоксальной, не отличающейся пиететом форме Т.С. Элиот и указал на разницу между заимствованием-подражанием и таким заимствованием, когда чужое присваивается, служа не образцом для подражания, а материалом для свободного созидания новых и более высоких художественных ценностей. Немало примеров такого присвоения, таких «краж» можно найти и в творчестве Шекспира”. Р.М. Самарин — в другой день и на другом заседании, сделав “лирическое отступление” в конце своего доклада, — ничтоже сумняшеся провозгласил “научную несостоятельность” выступления Штильмана. Позднее Л. Штильман специально попросил слова для ответа Самарину и заявил, что с самаринской оценкой своего доклада он, конечно, не согласен и что вообще-то русские коллеги его неправильно поняли: он, действительно, изучает влияние западных традиций на Пушкина, но это отнюдь не означает, что он пытается представить Пушкина несамостоятельным поэтом. Не остался в долгу и Самарин, сказав, что

¹ Эта же история по-своему рассказана в книгах участников конгресса [см.: Бернштейн, 2002: 241–242; Дрыжакова, 2008: 513].

² Слова Элиота в русском переводе: начинающие поэты подражают, маститые поэты крадут.

у его оппонента концы не сходятся с концами и что уж во всяком случае “неудачная цитата из Т.С. Элиота остаётся на его совести”».

Обстоятельства, позволившие американскому профессору появиться на конгрессе в советской Москве, выяснить пока не удалось. Вероятно, он был приглашен как представитель департамента славистики одного из крупнейших нью-йоркских университетов. Положительную роль мог сыграть и тот факт, что в стране наступила «оттепель», неожиданно, хоть и ненадолго открыв двери перед «инакомыслящими», «реакционными» европейскими и американскими русистами, а не только перед учеными, представлявшими социалистический лагерь. Однако не стоит забывать, что Штильман являлся эмигрантом, покинувшим Россию из политических соображений. Можно лишь догадываться, насколько сильное потрясение пережил человек, вновь побывавший на родине после более чем сорокалетнего перерыва. Леон Штильман является автором книг, посвященных творчеству Н. Гоголя, Л. Толстого, Н. Карамзина, А. Пушкина, И. Гончарова, он также написал книги по русской истории и по грамматике русского языка. Его статьи «Невесты, женихи и свахи» и «Всевидящее око у Гоголя» опубликованы соответственно в № 4 (1965 г.) и 5 (1967 г.) литературного альманаха «Воздушные пути», издававшегося Р.Н. Гринбергом в Нью-Йорке.

Что связывало именитого русского писателя Алданова с этим человеком? Между ними, очевидно, существовали довольно теплые отношения, во всяком случае, в письмах к младшему другу Марк Александрович трогательно называл его «милым Лелей». Знакомы они были еще по Франции и приняли решение эмигрировать в Соединенные Штаты после оккупации Парижа фашистской Германией, однако Алдановы приплыли в Нью-Йорк первыми (9 января 1941 г.). Вскоре по прибытии Марк Александрович сообщает Штильману о тяготах пути, советуя, как добраться проще и комфортнее, чем следует питаться в дороге. Марк Алданов всегда отличался особой деликатностью по отношению к друзьям и близким знакомым, проявлял постоянную заботу о них. Позднее именно он поможет Штильману устроиться преподавателем в Корнельский университет, затем — в Колумбийский. В том же письме он делится впечатлениями о Нью-Йорке, сетуя на отсутствие денег.

Уже в первые дни пребывания в США писатель думает не столько о себе, сколько о судьбах русских литераторов, вынужденных опять бежать — теперь уже из Франции в Америку: здесь Алданов хочет возобновить выпуск «Современных Записок» (эта идея пришла на ум как ему, так и Бунину, также поначалу намеревавшемуся переехать сюда), которые вскоре и начнут выходить под названием «Новый Журнал»: *«Нью-Йорк мне нравится. Он очень изменился за 28 лет. Такого высокого уровня благосостояния я нигде в мире не видел. Но как жить? Пока све-*

дения неутешительные: еще никто не устроился из русского Отейля. Кроме интервью, мне газеты ничего не предлагали и не предлагают, а интервью денег не приносят. Вероятно, я выступлю с публичным докладом, — разумеется, без какого бы то ни было меценатства: билеты продаются только в кассе. Такие доклады читали Александр Федорович (Керенский. — И.А.) и Авксентьев (Николай Дмитриевич, русский политический деятель. — И.А.), они дают возможность продержаться месяц. Начал сношения по поводу “Начала Конца”³. Хочу создать здесь толстый русский журнал вместо покойных “Современных Записок”. Вот все. Сириин иногда пишет рецензии в американских газетах и зарабатывает этим 50–60 долларов в месяц. Попытаюсь все же проникнуть в американскую печать и я, однако это трудно⁴.

В Бахметьевском Архиве удалось обнаружить три папки с перепиской Алданова и Штильмана: 1940–1943; 1944–1945; 1946–1956 гг., объем которых превышает 200 писем. Все послания Алданова написаны с соблюдением старой орфографии и, за редким исключением, напечатаны на машинке. Штильман, напротив, писал от руки, часто на бегу — не из дерзости или непочтительности к корреспонденту, а в силу постоянной загруженности, ибо жил в крайне стесненных обстоятельствах и даже был вынужден снимать, по его словам, «меблирашку» отдельно от жены, о чем сообщит в письме от 23 января 1943 г.: «У меня нет ни Вашего имени и успехов, ни денег и досугов Лунца. У меня есть долги, трудная работа, заставляющая меня жить в меблирашке, отдельно от Галочки, — и Антология, с надеждами на будущее, вытекавшие из нее возможности». Вероятно, из-за безденежья он и не мог себе позволить приобрести печатную машинку. Что касается орфографии, она в письмах Штильмана меняется со старой, которой придерживались маститые писатели, на современную, ибо этого требовало преподавание в университете, и в голове наступала путаница из-за постоянного «переключения» с одной системы на другую.

В письме всплывает имя Лунца⁵, и это не случайно. Хороший знакомый Алданова, Григорий Максимович Лунц, вошедший впоследствии в редакционную коллегию «Нового Журнала», перебрался из Парижа в Нью-Йорк в 1942 г. Из писем Штильмана мы узнаем о той роли, которую Лунц сыграл в истории рождения русской литератур-

³ Роман М. Алданова был опубликован в США в 1942 г. под новым названием «Пятая печать».

⁴ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Aldanov, Mark. Письмо от 16 января 1941 г.

⁵ Лунц Григорий Максимович — книгопродавец-букинист (1887–1975), друг М.А. Алданова, коллекционер редких книг, в начале 1940-х годов — библиотекарь Университета Калифорнии (Лос-Анджелес); позднее числится среди книжных дилеров Нью-Йорка. В эмиграции с 1919 г.; по 1940-й жил в Париже. В США с апреля 1942 г. — член корпорации «Нового Журнала» первого состава.

но-художественной Антологии. Инициатива по ее созданию принадлежала Штильману, однако Лунц присвоил идею себе.

Вышло это так: 16 января 1943 г. Штильман посвятил Алданова в свои планы — познакомить американского читателя с лучшими образцами русской литературы, начиная с XVIII в. и заканчивая отрывками из современной литературы как эмигрантской, так и советской. Предполагалось, что Алданов станет соредактором и примет участие в отборе текстов. Штильман был уверен, что именитый писатель, имеющий к тому же в Америке нужных знакомых, сумеет договориться с издателями о запуске этого литературного проекта. Специально для Антологии намеревались даже заново перевести на английский некоторые рассказы. Так, Штильман сообщал о своем желании опубликовать в Альманахе новые переводы из В. Набокова, которыми вместе с автором занимался его приятель по Корнельскому Университету Петр Александрович Перцов.

О личности данного филолога поведал в 23 номере журнала «Таллинн» за 2001 г. Максим Шраер [Шраер, 2001: 157–165], русско-американский литературовед, автор книг “The World of Nabokov’s Stories” («Мир рассказов Набокова», 1999), “Russian Poet/Soviet Jew” («Русский поэт/Советский еврей», 2000), «Набоков: темы и вариации» (2000) и других. Перцовым был сделан перевод трех, пожалуй, лучших рассказов Набокова — «Пилиграм», «Весна в Фиальте» и «Облако, озеро, башня»; автор также вел с ним переговоры по поводу перевода своих русских романов (от идеи пришлось отказаться, так как романы не заинтересовали американских издателей — были слишком «русскими»). Переводил он и романы Марка Алданова. В статье Шраера приведено письмо Владимира Набокова Петру Перцову от 23 апреля 1943 г.: он «еще не совсем решил, что даст» в алдановский сборник. Предположение американского критика о том, что Набоков подбирает произведения для «Нового Журнала», основанного М. Алдановым и М. Цетлиным в 1942 г. в Нью-Йорке, кажется ошибочным в свете обнаруженной переписки. Сири́н, вероятно, предлагал рассказы для публикации именно в той Антологии, о которой идет речь в данной статье. Так, 19 января 1943 г. Алданов, отвечая на вопросы Штильмана (от 16 января), чьи и какие именно произведения должны быть включены в Антологию, в частности, пишет: *«Я очень хочу, чтобы в Антологии был рассказ Сирина именно в его (Перцова. — И.А.) переводе, но все-таки, повторяю, Вы должны поговорить об этом с Вреденом⁶ предварительно. Я так и*

⁶ Вреден Николай Романович (1901–1955), переводчик, издатель, редактор. С 1920 г. в эмиграции; жил в Нью-Йорке; в 1951–1955 гг. был директором Издательства им. Чехова. Принимал участие в переводах для Антологии произведений русских и советских писателей, если таковых не существовало или если их качество было признано недостаточно высоким.

написал Петру Александровичу (Перцову. — И.А.). Надеюсь, что он еще с Сириным не снесся? Между нами говоря, боюсь, что Сирин теперь меня ненавидит, — в самом деле, отчего не он? <...> И если и по антологии будет заминка с Сириным (например, не сойдутся в цене издатели), то это будет неприятно мне еще больше, чем ему. Все это строго конфиденциально. Но я надеюсь, что тут никакой заминки не будет. <...>⁷.

Большая часть писем М. Алданова и Штильмана посвящена обсуждению работы над будущей Антологией, которая предоставляла возможность заработать хоть какие-то деньги. Именно поэтому Штильман страшно переживал, что Лунцу стало известно о самой идее — издавать Антологию, и что он подключился к осуществлению этого плана, перехватив инициативу и ведя переговоры с теми же издателями, что и сам Штильман. Лунц присутствовал при диалоге Марка Алданова с представителем издательского дома Скрибнера и, вероятно, при разговоре с Николаем Романовичем Вреденом, будущим директором издательства имени А. Чехова, переводчиком, которому было поручено сделать для Антологии ряд новых переводов из классики XIX — начала XX в. Таким образом он оказался посвященным в планы Штильмана. В издательстве Скрибнера⁸, с которым Штильман пытался завязать связи с помощью Алданова, намеревались Антологию опубликовать. Данный проект был важен еще по ряду причин: не имея знакомств в академически кругах, Штильман надеялся, что ему удастся сблизиться в процессе работы с заведующим отделением Славянских языков в Корнельском Университете (Итака, NY) Эрнестом Дж. Симмонсом, под началом которого он преподавал, в то время как Лунц подключил к переговорам профессора Гарвардского университета Михаила Михайловича Карповича. Симмонс, как понятно из переписки, никогда не согласился бы на сотрудничество с представителем другого университета, и Штильман боялся осложнений как в будущем преподавании, так и в возможности публиковаться.

Марк Александрович, как уже было сказано, был человеком крайне деликатным, интеллигентным, к тому же — верным другом. Он не допускал мысли, что Лунц, которого он почитал за «порядочного человека», мог позаимствовать чужую идею, настаивая, что его добрый приятель предлагает выпуск иной, Исторической антологии, не имеющей ничего общего с задумкой Штильмана; последнего же лишь раздражали благосклонные отзывы о Лунце. Что ж, он был молод, вел себя самоуверенно и напористо, позволяя резкие выпады в адрес оппонента. *«Не могу понять одного: как Вы можете продолжать считать*

⁷ Намек на пуританские нравы в США, где, в частности, долго не публиковали набоковскую «Лолиту» (первая публикация в Париже в 1955 г.).

⁸ Американское издательство Scribner, одно из крупнейших, основано в 1846 г. Чарльзом Скрибнером. Продолжателем дела отца стал его сын, также Чарльз Скрибнер.

Лунца “очень порядочным человеком” ??? Я утверждаю, что его поведение нарушает правила самой элементарной, самой невзыскательной морали. Меховщики с Седьмой Аvenues так не поступают», — пишет он Алданову 22 января 1943 г. Вскоре положение усугубит обрушившееся на них известие о подготовке еще ряда русских антологий, работу над которыми вели другие писатели и издатели.

Соавторство с Лунцем Штильмана не устраивало ни в смысле финансовом, ни с точки зрения литературного престижа, ибо ему важно было зарекомендовать себя в академических кругах, поэтому от участия в его антологии молодой ученый категорически отказывался, настаивая на том, что Антология — его единственный «литературный капитал» и должна выйти в свет под его именем.

«Теперь посмотрим, что это за другая Антология.»

Вы пишете, что “быть может верно”, что идея исторической Антологии принадлежит Лунцу. Позволяю себе поэтому напомнить Вам, что мой первоначальный замысел был систематическая антология с включением не-беллетристического материала и, с другой стороны, с включением беллетристического материала только документального характера (tmoignage⁹). Вы даже говорили о том (это было одним из Ваших возражений), что тогда нельзя было бы взять Войну и Мир, т.к. это не tmoignage.

Далее, мы имели в виду представить допушкинский период мемуарами. Вы включили в Вашу первую записку Болотова¹⁰. У меня был, независимо от этого, Герцен.

Затем Скрибнеры решили, при моем единственном свидании с представителями этой фирмы, ограничиться одной fiction¹¹. Тем самым, понятно, открылась возможность другой Антологии, в случае удачи первой, — из материала, кот<орый> Скрибнеры не захотели в нее включить: мемуары, философия, критика и т.п.

Эта возможность возникла вследствие 1-е — моей идеи о первой Антологии, 2-е — Ваших отношений со Скрибнером, 3-е — успеха Вашей “Пятой Печати”, кот<орая>, по-видимому, позволяет предвидеть успех моей Антологии.

Вот этой возможностью воспользовался Лунц, присутствуя при Ваших разговорах с Вреденом о моем деле» (письмо от 23 января 1943 г.).

История с Лунцем поссорила соредкторов, и их переписка на какое-то время теряет дружеский характер, во всяком случае, со стороны Алданова. Он уверен: молодой человек голословно обвиняет Лунца в краже и плагиате, к тому же не особенно выбирает выраже-

⁹ Франц.: свидетельство.

¹⁰ Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) — русский писатель, мемуарист, философ-моралист, ученый, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии в России.

¹¹ Англ.: художественная литература.

ния, называя его подлецом. Но Штильмана было не переубедить, он распялялся все сильнее и сильнее: «Сотрудничать с ним я все-таки не буду. Он, несомненно, выигрывает в сравнении со Стависским¹², как и Стависский выигрывает в сравнении с Лавалем¹³, и как Лаваль выигрывает от сравнения с Гиммлером. Градаций много в обе стороны. Но как Вы назвали бы, например, покойного Н.В. Чайковского¹⁴, если Вы Лунца называете “очень порядочным человеком”?»¹⁵

Реакция Алданова будет незамедлительной и резкой; это вполне соответствует принципам писателя, запрещающего дурно отзываться о друзьях. Позднее, в январе 1949 г., он поступит таким же образом с Марией Самойловной Цетлиной, навсегда прекратив с ней общение и выйдя из редакционной коллегии «Нового Журнала». Цетлина позволила себе оскорбительный выпад в адрес И.А. Бунина, тридцатилетней дружбой с которым дорожил Марк Алданов. Она же адресовала Бунину гневное открытое письмо за то, что тот вышел из состава Союза эмигрантских писателей в Париже.

К счастью, история вокруг Антологии не привела к разрыву отношений Алданова со Штильманом. Во-первых, тот был достаточно молод и подходил для роли сына или племянника, по отношению к которому маститый писатель пытался быть снисходительным. Во-вторых, Лунц все-таки не Бунин, о котором Алданов не переставал заботиться никогда. Зная о чрезвычайно бедственном положении Ивана Алексеевича в оккупированной Франции, Алданов был готов посылать деньги из собственного кармана близкому другу за публикацию его рассказов в Антологии, если Срибнер не согласится платить тем писателям, «которые не защищены ни своими американскими издателями, ни общим советским литературным агентом в Соединенных Штатах».

¹² Серж Александр Ставиский, более известный просто как Александр Ставиский (фр. *Serge Alexandre Stavisky*; 1886, Россия — 1934, Франция) — французский мошенник и аферист. Сын дантиста Эммануэля Ставиского. Когда его семья переехала во Францию, ему было 12 лет. Получил французское гражданство в 1910 г. Неоднократно задерживался французской полицией за финансовые злоупотребления, мошенничество, торговлю наркотиками и драгоценностями. Основал несколько фиктивных финансовых обществ, больше известен в связи с многомиллионной аферой с одним из ведущих французских банков — ссудно-закладным банком города Байонны. Афера Ставиского привела к глубокому политическому кризису во Франции и попытке фашистского путча в Париже в феврале 1934 г. По версии полиции, покончил жизнь самоубийством, застрелившись 8 января 1934 г. Похоронен на кладбище Пер-Лашез, участок 94 (по материалам Википедии).

¹³ Пьер Лаваль (фр. *Pierre Laval*; 1883—1945) — французский политик, активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 г.

¹⁴ Николай Васильевич Чайковский (1850, Россия — 1926, Лондон) — русский революционер.

¹⁵ Письмо Штильмана Л. от 28 января 1943 г.

Наконец, Алданов не смог бы прервать переписку с человеком, работающим с ним над одним проектом. 4 февраля 1943 г. он напишет Штильману: *«Вы пишете, что у нас “вышел” разговор о деле Лунца. Он не “вышел”, а после нашей вполне дружеской беседы в кофейне я думал, что дело Лунца разрешено. Вместо этого оно оказалось только отправным пунктом, если не поводом, который я усиленно и тщетно пытался прекратить. Этот разговор, удивительный с Вашей стороны и по содержанию, и по форме, и по злобности тона — первый такой разговор за 23 года. Я бесстыдно солгал бы Вам, если бы сказал, что я не сержусь или не очень сержусь, — но дело не в том, сержусь ли я или нет, и даже не в том, убавил ли один этот разговор наполовину мое расположение к Вам: дело в выводах, которые надо сделать и я сделал. Впредь в моих письмах Вы не найдете ни “некорректных” выражений, ни “нотаций”, ни даже советов: делайте все, что Вам угодно, я в Ваши дела больше никак не вмешиваюсь и постараюсь даже ими не интересоваться. И добавляю — кажется мне, вполне искренне, — я надеюсь, что Вы никогда об этом не пожалеете.*

Что же делать, такие отношения между нами, при которых Вы могли бы говорить со мной совершенно так, как я с Вами, невозможны. Может быть, это моя вина и Вы правы в этом, но я человек старых взглядов и себя переделать не мог. Я с Вами всегда говорил так, как говорил, например, с моим племянником Жоржем¹⁶ (он почти одних лет с Вами), как с Вами говорили Ваш отец или Моисей Леонтьевич, и я достаточно часто хвалил Вас, Ваш ум, талантливость и характер, чтобы иметь право читать Вам “нотации” и писать Вам письма, которые действительно в отношении простого знакомого были бы “некорректными”. Теперь это кончено. У нас будут просто отношения старого доброго знакомства, да еще временные отношения по общей работе над лит. антологией, — к ней, разумеется, сказанное выше никак не относится: здесь я буду участвовать во всем и вмешиваться во все, так как я отвечаю за нее перед издательством и публикой».

Очевидно, в одной статье невозможно охватить весь круг проблем, обсуждавшихся в переписке. Важно было положить начало процессу возвращения на родину имени профессора Колумбийского Университета, долгое время возглавлявшего там Отдел Славянских Языков, сделавшего ряд исследований в области русской литературы XIX в. и тем самым пропагандировавшего ее изучение в Европе и США. Из писем вырисовывается облик личности незаурядной, очень талантливой, независимой; очевидно, особый шарм Леону Штильману прида-

¹⁶ Имеется в виду Яков Львович Малкиель (1914, Киев — 1998, США) — американский этимолог и филолог романских языков, специалист в области латинского и испанского языка. Основатель журнала *Romance Philology*.

вала уверенность в собственных силах, тонкое литературное чутье, чуткий к стилю слух, легкое перо. Эти письма важны и ценны еще и потому, что передают атмосферу эмигрантского быта М.А. Алданова, уникального человека и замечательного литератора, которого Иван Бунин в течение многих лет выдвигал на присуждение Нобелевской премии; рассказывают о радостях и проблемах писателя; о его литературных открытиях и дружеской поддержке, оказываемой собратьям по перу, ибо Алданов принимал активное участие в отборе литературного материала для Антологии, писал вступительные статьи, одобрял или критиковал выбор писательских имен и произведений.

Пропусту было *архивинтересно* наблюдать за процессом рождения книги, слышать оценки, которые они дают произведениям А. Чехова, Д. Мережковского, И. Тургенева (свой первый рассказ Алданов написал в 16 лет, подражая «Дневнику лишнего человека», хотя и не видел в повести ни одного живого героя), М. Горького («*На всю жизнь булочником остался*»¹⁷), М. Пришвина («*Замечательный, очень тонкий и по-настоящему своеобразный писатель, не достаточно оцененный, конечно, во многих отношениях выше Горького, но кто же нам поверит?*»). Если же Штильман легкомысленно отзывался о каком-либо из рассказов Бунина, тут же получал выговор: «...о вкусах не спорят, но покойный Куприн говорил Бунину: “ты писатель не для читателей, а для писателей”. Я Вас причисляю к писателям, и меня удивляет, что Вы также не оценили прелесть этой вещи»¹⁸. Напротив, если замечания касались алдановских романов (речь шла о будущих «Истоках»), благодарность писателя была безмерной, и он очень внимательно прислушивался к профессиональным подсказкам младшего друга — как к дельным критическим репликам о содержании, так и к замечаниям грамматическим и лексическим: «Я, пожалуй, не знаю лучшего ценителя, чем Вы, Бунин не в счет»¹⁹.

Объективность требовала от авторов включения в антологию произведений корифеев советской литературы, — и Штильман оказался более независимым в оценках, избегая тенденциозности и предвзятости. Позиция Марка Алданова была более жесткой, его отзывы о произведениях, создаваемых в подцензурной стране, не могли быть лестными (Штильман о нем: «Вы отрицательно относитесь к советской литературе»). Впрочем, оба понимали, что «в каждой литературе был свой золотой век в прошлом и что среди современников нет ни Шекспиров, ни Гете, ни Данте, ни Сервантесов»²⁰. С высоты сегодняшнего дня небезынтересно наблюдать за тем, как Алданов подбирал произведения советских авторов о войне: «Кажется, найдена и заключительная вещь для антологии: “Народ бессмертен” какого-то Василия Гросмана. Фамилия мне не из-

¹⁷ Письмо Штильмана Л. от 13 сентября 1943 г.

¹⁸ Письмо Алданова М.А. от 14 апреля 1943 г. Речь идет о рассказе И. Бунина «Натали».

¹⁹ Письмо Алданова М.А. от 22 июля 1943 г.

²⁰ Письмо Штильмана Л. от 13 сентября 1943 г.

вестная и, может быть, ан унд фюр зих²¹, неподходящая, но это роман, посвященный обороне Москвы от Гитлера»²². Советские литературные агенты поначалу препятствовали распространению отечественной беллетристики за границей, боясь критических предисловий, потом, наконец, разрешили печатать авторитетных и подконтрольных авторов, но запрещали таких, как Бабель и Пильняк. Этот факт подчеркивал печальную участь писателей.

Важная деталь, на которую необходимо также обратить внимание при разборе писем. Речь идет о проблемах языковой нормы в речи русских эмигрантов, что является следствием многих объективных причин: оторванностью членов диаспоры от метрополии, влиянием на их сознание газетных, не всегда корректных, текстов и просто тем фактом, что язык — живое тело, закономерно, что он должен развиваться — в ту или иную сторону. Эмигранты со временем теряют «инстинкт языка» и перестают быть его естественными носителями: *«Был маленький инцидент: вышел спор, нужно ли произносить “слишком” или “слишком”. Мещерская, конечно, произносит “слишком”. Она, кажется, довольно энергично попросила не учить ее русскому языку. Кстати, как Вы произносите: Поликушка или Поликушка²³? У меня об этом был спор с Перцовым. По-моему, “Поликушка”»²⁴.*

Выражаю благодарность Бахметьевскому архиву библиотеки Батлера при Колумбийском Университете (Нью-Йорк) за предоставленную возможность ознакомиться с перепиской этих выдающихся людей.

Список литературы

1. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Институт славяноведения РАН, Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2002.
2. *Дрыжакова Е.* По живым следам Достоевского. Факты и размышления. СПб., Изд. Дмитрий Буланин, 2008.
3. *Шраер М.Д.* В.В. Набоков и его американский переводчик П.А. Перцов // Набоков Владимир Владимирович. Публикация, предисловие, примечания М.Д. Шраера. Таллинн. 2001. № 23. С. 157–165.
4. *Паньков Н.* Хроника. Факты. Информация. Берлинский коллаж (IX Международная Бахтинская конференция глазами ее участников) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 3. URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=3&abs=BERLIN> (дата обращения: 05.10.2016).
5. *Maguire R.A.* Gogol from the Twentieth Century. Eleven Essays (L. Stilman, etc.). Selected / Edited, Translated and Introduced by R.A. Maguire. Princeton Un. Press, 1974.

²¹ Ан und für Sich (нем.) — само по себе.

²² Письмо Алданова М.А. от 27 июля 1943 г.

²³ «Поликушка» — повесть Л.Н. Толстого.

²⁴ Письмо Штильмана Л. от 4 декабря 1943 г.

Irina L. Anastasyeva

MARK ALDANOV'S CORRESPONDENCE WITH HIS CONTEMPORARIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the unknown correspondence of outstanding Russian writer Mark Aldanov with his young friend, professor of Columbia Un., Leon Stilman. The information about this scholar is rather limited. There are some lines about him from a book of essays (*Gogol from the Twentieth Century. Eleven Essays. Selected, Edited, Translated and Introduced by Robert A. Maguire. Princeton Un. Press, 1974*): “Leon Stilman left his native St. Petersburg a year after the Revolution, settled in Paris, and practiced law there for two decades. In 1941, he moved to the United States, and embarked on what was to prove a distinguished academic career, first at Cornell and then at Columbia, where he earned a PhD, rose to a full professorship, and became chairman of the Department of Slavic Languages. He has produced several successful textbooks and has written on Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, and, most extensively, Gogol”.

It is very important to introduce him to the Russian readers because he was a very clever self-made man. The correspondence was found in Columbia University, The Butler Library, The Bakhmetev Archives (BAR) and it allows learning about the life of those outstanding people and their working on the Russian Anthology.

Key words: Mark Aldanov, Leon Stilman, N. Vreden, G. Lunts, Russian literature abroad, Bakhmetev Archives (BAR), The New Review.

About the author: *Irina L. Anastasyeva* — PhD, Ass. Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

References

1. Bernshtein S.B. 2002. *Zigzagi pamiati. Memuary. Dnevnikovye zapisi*. [Memory zigzags. Memoirs. Diaries] Moscow, MSU. (In Russ)
2. Dryzhakova E. 2008. *Po zhyvym sledam Dostoevskogo. Fakty i razmyshlenia*. [By the ever-living footsteps of Dostoevsky. Facts and thoughts]. Saint Petersburg, Dmitryi Bulanin Publ. (In Russ)
3. Shraer M.D. 2001. *V.V. Nabokoff i ego amerikansky perevodchik P.Pertsov* [V.V. Nabokoff and his American translator P. Pertsov]. Tallinn, no 23, pp. 157–165. (In Russ)
4. Pankov N. 1999. Khronika. Fakty. Informatsia. Berlinsky Kollazh. [Chronicle. Facts. Information. Berlin collage]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no 3. Accessible at: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=3&abs=BERLIN> (assessed 05.10.2016). (In Russ)
5. Maguire R.A. 1974. *Gogol from the Twentieth Century. Eleven Essays* (L. Stilman, etc.). Selected, Edited, Translated and Introduced by Robert A. Maguire. Princeton Un. Press.